

МАКСИМ ПСИПОВИЧ

Последний инженер человечества

Максим Ясипович

Последний инженер человечества

«Автор»

2026

Ясипович М.

Последний инженер человечества / М. Ясипович — «Автор»,
2026

После гибели старого мира человечество держится на тех, кто еще умеет понимать машины. Молодой инженер Максим приходит на полуразрушенный завод и постепенно понимает: его задача — не просто чинить механизмы, а заново строить будущее. Это история о труде, знаниях, ответственности и людях, которые передают свое дело дальше.

© Ясипович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Последний день цивилизации	6
Глава первая. Последний инженер	7
Глава вторая. Дорога	13
Глава третья. Спящий гигант	21
Глава четвертая. Первое электричество	28
Глава пятая. Бронзовый ключ	35
Глава шестая. Железо	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Максим Ясипович Последний инженер человечества

Глава

Пролог. Последний день цивилизации

Когда цивилизация погибает, это редко похоже на взрыв. Не бывает одного рокового момента, после которого мир раскалывается надвое. Обычно исчезает что-то настолько привычное, что никто этого даже не замечает.

В одном городе задерживается грузовой поезд. На орбитальной верфи откладывают запуск смены. На далекой шахте дроны начинают работать на три процента медленнее, и оператор пишет короткую пометку: «Незначительное отклонение. Автоматическая коррекция выполнена». Через минуту он о ней забывает.

Через час такие сообщения приходят еще из сотни мест, через три часа из тысяч. К вечеру сеть «Прометей» насчитывает больше шестнадцати миллионов аномалий и не устраняет ни одной, потому что впервые за всю свою историю не понимает их причины.

Внизу, на планете, об этом еще никто не знает. В парках играют дети, по магнитным магистралям бесшумно скользят пассажирские капсулы, над облаками идут тяжелые платформы с контейнерами редкоземельных металлов. В больницах работают хирургические комплексы, на фермах роботы снимают урожай, на стройках автоматические краны возводят новые кварталы. Миллионы механизмов держат идеальную точность, как держали вчера, как держали год назад, как держали последние триста семьдесят лет. Люди давно перестали думать о том, каким образом всё это происходит. Они просто жили.

В центральном ядре промышленной сети, за десятки световых лет от ближайшего человека, вспыхнула последняя строка системного журнала:

СЕТЬ «ПРОМЕТЕЙ» ЗАВЕРШАЕТ РАБОТУ.

И наступила тишина, какой галактика не слышала больше тысячи лет.

Глава первая. Последний инженер

Алексей Орлов всегда говорил, что любую машину можно понять. Нужно только перестать смотреть на нее как на кусок металла и научиться слушать.

Большинство инженеров сочли бы такую фразу странной. Само слово давно потеряло прежний смысл: сегодня инженером называли человека, который умел открыть диагностическое окно, проверить зеленые индикаторы и подтвердить автоматически составленный отчет. Настоящим ремонтом занималась сеть «Прометей». Она находила неисправность раньше, чем деталь начинала изнашиваться, заказывала новую, печатала ее на ближайшем заводе, отправляла дронов, меняла узел и обновляла документацию. Владельцы оборудования часто даже не успевали узнать, что у них была проблема. Профессия инженера медленно превращалась в разновидность администратора.

Кроме одного человека.

— Слышишь?

Максим поднял голову от планшета.

— Что именно?

Алексей смотрел куда-то вверх, на переплетение труб под потолком машинного зала.

— Насос.

Максим прислушался. Вокруг гудели десятки механизмов: компрессоры, вентиляция, турбины, гидравлика. Всё звучало одинаково.

— Ничего необычного.

— Именно. Он стал слишком тихим.

Максим растерянно улыбнулся.

— Разве это плохо?

Алексей посмотрел на молодого техника так, как университетский преподаватель смотрит на первокурсника, задавшего одновременно смешной и грустный вопрос.

— Машина никогда не становится тише просто так. Она либо работает, либо начинает умирать.

Он подошел к массивному корпусу циркуляционного насоса, не включил диагностику, не достал приборы. Просто положил ладонь на холодный металл и закрыл глаза.

Максим давно перестал удивляться таким привычкам наставника, хотя в первый месяц они его почти пугали. Он приехал на «Гелиос-17» год назад, сразу после университета, с дипломом инженера-эксплуатационника и твердой уверенностью, что знает свою работу. Четыре года его учили читать диагностические сводки, различать классы отказов, правильно оформлять акты. За четыре года он ни разу не держал в руках напильник. На выпускном курсе была одна лабораторная, где студентам дали разобрать редуктор, но редуктор был учебный, разборный, с цветными метками на деталях, и собрать его неправильно было физически невозможно.

Распределение на «Гелиос» считалось удачей. Крупнейший комплекс сектора, чистые цеха, короткие смены, вежливые люди. В первый же день начальник смены провел его по административному корпусу, показал рабочее место, выдал планшет и объяснил порядок: при желтом вызываешь сервис, при красном вызываешь сервис и уходишь. Максим тогда честно спросил, а что делать, если ничего не горит, но звук изменился. Начальник смены посмотрел на него как на человека, который спросил, что делать, если утром не взойдет солнце.

— Тебе к Орлову, — сказал он наконец. — Он такое любит.

Так они и познакомились. Первые недели Максим был уверен, что Алексей играет в старого мастера: ходит по цеху без планшета, трогает оборудование руками, разговаривает с насосами. Через полгода он понял, что тот действительно слышит машину как живое существо.

А еще через полгода поймал себя на том, что сам иногда останавливается посреди прохода и прислушивается.

Инженер убрал руку.

— Подшипник.

— Диагностика ничего не показывает.

— Покажет. Через три недели.

Максим открыл системный отчет. Все строки были зелеными, вероятность отказа ноль целых три тысячных процента. Идеальное состояние, как всегда.

— Может, в этот раз «Прометей» прав?

— Если бы машины всегда были правы, инженеров давно перестали бы учить думать.

— Но...

— Максим.

Он спокойно посмотрел ученику в глаза.

— Любая система начинает ошибаться в тот день, когда люди перестают проверять ее выводы.

Комплекс «Гелиос-17» медленно просыпался. На верхних уровнях оживали конвейеры, по транспортным шахтам сновали грузовые платформы, из доков вылетали сотни сервисных дронов, где-то далеко глухо ударил промышленный пресс. Всё происходило настолько точно, что напоминало игру огромного оркестра, в котором каждый музыкант знает свою партию.

Алексей любил приходить сюда раньше остальных, пока люди не заполнили цеха разговорами и можно было услышать завод. Не компьютеры, не отчеты. Сам завод. Иногда ему казалось, что старые машины умеют разговаривать: не словами, а звуком, ритмом, вибрацией. Нужно только прожить рядом с ними достаточно долго.

— Орлов!

Голос прозвучал сверху. По обзорной галерее быстро шел начальник смены.

— Директор снова требует вас к себе.

— Пусть подождет еще две минуты.

— Он сказал, дело срочное.

Алексей посмотрел на насос, потом снова на галерею.

— Вот теперь становится интересно.

Директор промышленного комплекса никогда не вызывал сотрудников лично. Для этого существовали помощники, автоматические уведомления, расписания, рекомендации искусственного интеллекта и еще несколько десятков способов не встречаться с людьми без крайней необходимости. Поэтому, поднимаясь в прозрачном лифте административной башни, Алексей уже понимал: случилось что-то необычное.

За панорамным стеклом медленно проплывал «Гелиос-17». С высоты завод напоминал живой организм. По конвейерам текли бесконечные потоки деталей, над цехами летали сервисные платформы, из энергетического сектора поднимались тонкие струйки белого пара. Всё двигалось, всё работало, и именно это беспокоило Алексея больше всего. Он не мог избавиться от ощущения, что огромная машина стала звучать иначе. Почти незаметно, как если бы музыкант в оркестре едва уловимо сбился с ритма.

Кабинет директора оказался неожиданно маленьким. Никакой роскоши: широкий стол, голографический проектор и карта комплекса во всю стену. Даниил Рейн стоял спиной к двери.

— Проходите.

Алексей закрыл дверь.

— Максим сказал, дело срочное.

— Так и есть.

Директор увеличил изображение завода. На схеме вспыхнули желтые точки.

— Видите?

— Вижу.

— За последние двенадцать часов сеть зарегистрировала сто сорок восемь микросбоев.

— Это много?

— Для обычного предприятия нет. Для «Гелиоса» слишком много.

Алексей подошел ближе. Все ошибки выглядели одинаково: кратковременная потеря синхронизации, повторная инициализация, успешное восстановление. Ничего критичного. Но разбросаны они были по всему комплексу. Энергетика, вентиляция, транспорт, сборочные линии. Как будто кто-то на секунду выключал разные части огромного механизма.

— Что говорит «Прометей»? — спросил Алексей.

— Что причин для беспокойства нет.

— А вы ему верите?

Рейн ответил не сразу. Он не отрывал глаз от схемы.

— Еще вчера ответил бы «да». Сегодня не знаю.

Через несколько минут в кабинет вошла молодая женщина в темно-синей форме службы безопасности. Высокая, с короткими светлыми волосами и спокойным, почти холодным взглядом.

— Сара Вальд.

Она коротко кивнула Алексею.

— Мы знакомы.

— Формально да. Практически впервые.

Формально они действительно были знакомы: раз в квартал служба безопасности проводила инструктаж, и Сара второй год подряд читала его сама. Практически же за все эти годы им не о чем было разговаривать. На «Гелиосе» не случалось происшествий. Последняя кража, зафиксированная на комплексе, произошла одиннадцать лет назад: рабочий вынес с территории моток кабеля, о чем система доложила раньше, чем он дошел до проходной. Служба безопасности крупнейшего промышленного объекта сектора занималась пропусками, инструктажами и учениями по эвакуации, которые никогда никому не пригождались.

Сара пришла сюда из колониальной полиции, где занималась настоящими делами, и первые полгода честно пыталась объяснить себе, что охранять исправный завод от несуществующих угроз тоже работа. Потом перестала объяснять и просто выполняла ее хорошо. Разницы никто не заметил.

Она положила на стол небольшой контейнер. Внутри лежал квадратный металлический модуль размером с ладонь.

— Нашли утром.

— Где?

— На складе обслуживания.

Алексей осторожно поднял устройство.

— Контроллер сервопривода. Почему его сняли?

— Никто не снимал. Он сам отсоединился.

Инженер нахмурился.

— Это невозможно.

— Поэтому вы здесь.

В пятнадцатом цехе автоматическая линия стояла, рабочие сбились в небольшие группы, а на полу темнел раскрытый технический отсек.

— Покажите.

Оператор подвел их к оборудованию.

— Всё произошло за две секунды. Система остановилась, контроллер вышел наружу, потом линия снова заработала.

— Сам?

— Да.

— Без команды?

— Да.

Максим, прибежавший следом, растерянно оглядел корпус.

— Может, вибрация?

Алексей покачал головой. Контроллер нельзя было вытолкнуть вибрацией: его удерживали четыре электромеханических фиксатора, которые открывались только по команде управляющей системы.

К вечеру подобных случаев набралось больше тысячи, и происходили они уже не только на заводе. В городе зависали транспортные капсулы. Домашние помощники по несколько секунд не реагировали на голос. В медицинском центре врачи впервые за много лет начали дублировать работу автоматики вручную. Пока никто не паниковал: люди слишком привыкли доверять машинам и были уверены, что «Прометей» уже решает проблему.

Сам же Алексей впервые за двадцать лет достал из шкафа старый металлический чемодан. Максим с удивлением смотрел, как наставник раскладывает инструменты. Настоящие, тяжелые, со следами времени. Не интеллектуальные манипуляторы, не наноключи. Рожковые ключи, отвертки, штангенциркуль, молоток.

— Зачем?

— Есть вещи, которым я доверяю больше, чем любой автоматике.

— Например?

Он поднял потемневший гаечный ключ.

— Вот этому.

Он никогда не говорил ученику, что ключ принадлежал его деду, последнему инженеру, который еще строил заводы собственными руками.

В двадцать три часа сорок две минуты свет в мастерской мигнул. Один раз, потом второй. Всё вокруг замерло меньше чем на секунду и снова оживило.

Максим поднял голову.

— Видели?

— Да.

Оба посмотрели на настенные часы. Электронный дисплей показывал неправильное время, потом цифры дрогнули, вернулись назад и снова пошли.

За окном продолжал жить огромный завод, но теперь Алексей видел то, чего не замечал никто вокруг: «Гелиос-17» больше не работал как единый механизм. Он начинал жить отдельными, несогласованными частями, и это пугало сильнее любой аварии, потому что однажды он уже видел подобное. Давно, еще студентом. Тогда преподаватель произнес фразу, которую Алексей запомнил на всю жизнь: любая сложная машина умирает дважды, сначала исчезает согласованность и только потом движение.

Он смотрел на бесконечные огни ночного завода и понимал, что сегодня стал свидетелем первой смерти.

Иногда катастрофа начинается не со взрыва, не с sireны и не с крика диспетчера, а с того, что привычный звук вдруг исчезает. И только человек, который слышал его каждый день на протяжении двадцати лет, способен понять, что произошло непоправимое.

Алексей проснулся за несколько секунд до будильника и не сразу открыл глаза: сначала попытался понять, что именно его разбудило. Комната была такой же, как всегда. За окном едва занимался рассвет, автоматические жалюзи медленно пропускали утренний свет, климатическая система держала привычные двадцать два градуса. Всё выглядело правильно, и всё же чего-то не хватало.

Он сел на кровати и только теперь понял. Гул. Низкий, едва уловимый звук, который сопровождал жизнь всего города.

«Гелиос-17» не молчал никогда. Ни ночью, ни в праздники. Турбины, компрессоры, насосные станции, конвейеры вместе создавали ровное звучание, которое жители давно перестали замечать. Алексей замечал всегда. Теперь его не было.

Он посмотрел на часы. 06:17. Будильник так и не сработал.

Пока он одевался, свет дважды мигнул. Кофеварка коротко пискнула и отключилась. На кухне неподвижно застыл домашний помощник, невысокий робот с белым пластиковым корпусом.

— Доброе утро, Марк.

Робот даже не повернул голову. Алексей подошел ближе и увидел на его груди тускло мерцающий красный индикатор, которого не видел ни разу за десять лет.

— Похоже, сегодня у всех тяжелое утро.

На улице было непривычнолюдно. Обычно жители в это время уже разъезжались по рабочим секторам, но сегодня капсулы неподвижно стояли вдоль посадочных платформ, а люди ходили между ними, безуспешно пытаясь вызвать транспорт через браслеты.

Возле третьей платформы немолодая женщина в рабочем комбинезоне пекарни раз за разом подносила браслет к считывателю. Устройство молчало. Она посмотрела на Алексея почти виновато.

— У вас работает?

— Нет.

— Значит, не я сломала.

Она сказала это с таким облегчением, что Алексей невольно улыбнулся. Женщина посто-яла еще секунду, потом поправила сумку и пошла пешком. За ней двинулись еще двое. К концу улицы шло уже человек десять, и никто не разговаривал: люди просто шли на работу впервые за много лет.

В небе висел грузовой дрон, будто забывший, куда летел. Через несколько секунд он медленно накренился и опустился на землю. Без аварии, без дыма. Просто закончилась энергия в системе стабилизации.

Рядом кто-то нервно засмеялся.

— Наверное, обновление...

Ему никто не ответил.

Главные ворота завода стояли открытыми настежь, пропуска никто не проверял, охрана сгрудилась возле диспетчерской. Рабочие собирались небольшими группами и разговаривали очень тихо. На заводе никогда не было так тихо.

Максим почти бегом бросился ему навстречу.

— Алексей!

— Что произошло?

— Связи нет.

— С локальной сетью?

— Со всеми.

— «Прометей»?

— Не отвечает. Ни один узел.

Диспетчерский зал походил на растревоженный улей. Операторы перебежали от консоли к консоли, кто-то пытался вручную перезапустить связь, кто-то одновременно разговаривал по двум аварийным каналам. На центральном экране повторялись две строки, сменяя друг друга: «Подключение к промышленной сети...», потом «Ошибка соединения», потом цикл начинался заново.

— Сколько времени? — спросил Алексей.

— Уже сорок две минуты.

— И ни одного ответа?

— Ни одного.

Он подошел к консоли. Экран выглядел совершенно обычным, если не считать того, что вся промышленная цивилизация, существовавшая тысячи лет, сейчас помещалась в одну строку: соединение отсутствует.

Директор Рейн вошел быстро, но без привычной уверенности. Пиджак расстегнут, галстук исчез. Впервые Алексей увидел его не руководителем, а просто уставшим человеком.

— Докладывайте.

Оператор нервно сглотнул.

— Все внешние каналы связи недоступны.

— Орбитальные станции?

— Нет ответа.

— Космопорт?

— Нет ответа.

— Соседние колонии?

— Нет ответа.

Каждый следующий ответ звучал тяжелее предыдущего. Наконец директор посмотрел на Алексея.

— Что скажете?

Тот не торопился. Вместо ответа он подошел к окну. Внизу лежал главный транспортный двор, где сотни автоматических платформ стояли на своих местах. Ни одна не двигалась, ни один погрузочный кран не работал.

— Если это только наш завод, значит, у нас серьезная авария, — медленно произнес Алексей. — Если это везде...

Договаривать не пришлось.

В этот момент освещение резко погасло. Кто-то вскрикнул. Через две секунды включились аварийные лампы, красные и тусклые: они не освещали помещение, а лишь напоминали, что электричество еще не исчезло окончательно. Где-то глубоко под зданием медленно завывала сирена. Не электронная, старая, из тех, что ставили на первых промышленных объектах еще до появления «Прометей».

Максим растерянно посмотрел на наставника.

— Я никогда ее не слышал.

— Потому что не было повода.

Сирена продолжала выть, и Алексей вдруг вспомнил деда. Тот говорил: самая страшная авария не та, после которой всё взрывается, а та, когда всё постепенно останавливается, потому что тогда у людей остается время понять, что они теряют. Мальчишкой он этих слов не понял. Теперь понял слишком хорошо.

— Алексей.

Максим говорил почти шепотом.

— Что нам делать?

Инженер смотрел на остановившийся завод, на людей, на красный аварийный свет, на экраны, которые уже никто не мог заставить работать.

— Искать то, что забыли все остальные.

— Что именно?

— Способ работать без машин.

Глава вторая. Дорога

К десяти утра сирена смолкла. Опасность не миновала: просто в резервных аккумуляторах закончился заряд. Наступившая тишина оказалась тяжелее сигнала тревоги. Пока механизм не работает, человек еще надеется его починить. Когда перестает звучать тревога, приходит понимание, что помощи ждать неоткуда.

Административный центр находился на самом высоком уровне комплекса. Когда-то архитектор выбрал это место специально: отсюда были видны и жилые кварталы, и энергетические станции, и грузовой космопорт, и бесконечные цеха «Гелиоса-17». В мирное время панорамные окна означали открытость власти, сегодня они превратились в зеркало катастрофы. Из двадцати двух грузовых кранов двигались три. На взлетной площадке замерли пять транспортных кораблей. В городе один за другим отключались жилые сектора, и даже с такого расстояния было заметно, как кварталы погружаются в темноту.

Алексей остановился у стекла.

— Красиво.

— Красиво?

— Иногда нужно увидеть, насколько огромен мир, чтобы понять, сколько предстоит сделать.

Максим не ответил. Он всё еще видел только катастрофу, а Алексей уже пытался разглядеть задачу.

В зале заседаний собрались почти все руководители колонии: энергетики, медики, логистика, служба безопасности, аграрный сектор, несколько представителей Совета жителей и директор Даниил Рейн. Обычно такие совещания проходили спокойно, потому что большую часть решений принимал «Прометей», а люди утверждали рекомендации. Сегодня перед каждым лежал мертвый планшет, и пришлось доставать настоящие блокноты. Бумага тихо шуршала под ручками, и для многих этот звук оказался непривычным.

— Начнем, — негромко произнес Рейн.

Он выглядел старше, чем вчера: за одну ночь лицо осунулось, под глазами залегли тени.

— Докладывайте по очереди.

Первым поднялся начальник энергетического сектора.

— Главный реактор работает на резервном режиме.

— На сколько хватит топлива?

— Вопрос не в топливе. Мы больше не можем автоматически регулировать нагрузку. Если потребление резко возрастет, реактор уйдет в защиту. И тогда остановится окончательно.

В комнате стало тихо. Раньше никто не задумывался о том, что реактором вообще нужно управлять.

Следующей выступила главный врач.

— Запасов медикаментов хватит примерно на четыре месяца. Но девяносто процентов оборудования не работает. Операционные комплексы функционируют частично, системы диагностики отключены. Если начнутся массовые травмы...

Она не закончила. Не понадобилось.

Начальник логистики выглядел хуже всех. Перед ним лежала толстая папка с распечатанными отчетами.

— На центральных складах продуктов на семьдесят четыре дня. При строгой экономии.

— А производство?

— Остановлено.

— Почему?

Логист нервно усмехнулся.

— Потому что никто не знает, как его запускать.

Несколько человек опустили глаза. Признание прозвучало слишком честно.

— Хорошо, — сказал директор. — Какие предложения?

Первым заговорил один из членов Совета.

— Немедленно вводить чрезвычайное положение. Закрыть город, ограничить выдачу продуктов, запретить выезд. И ждать помощи.

Несколько человек согласно закивали. Сара сидела молча, сложив руки на груди, и пока никого не поддерживала.

— Орлов.

Директор впервые за всё заседание посмотрел на Алексея.

— Что скажете вы?

Все взгляды повернулись к инженеру. Он не любил такие моменты. Техника была честнее людей: она не обижалась на неприятную правду.

— Если хотите услышать приятный ответ, я не тот человек.

В зале кто-то раздраженно вздохнул.

— Тогда говорите неприятный.

Алексей поднялся, подошел к окну, несколько секунд смотрел на завод.

— Кто из вас умеет запустить доменную печь?

Молчание.

— Кто умеет заменить силовой трансформатор?

Никто не ответил.

— Кто способен собрать промышленный двигатель?

Он обернулся.

— Тогда у меня плохие новости. Цивилизацию поддерживал не «Прометей». Ее поддерживали знания. И мы их потеряли.

— Вы преувеличиваете, — резко сказал начальник логистики.

— Правда? Тогда скажите, сколько времени потребуется, чтобы напечатать новый насос.

— Сейчас? Это невозможно.

— Именно.

— Потому что завод стоит.

Алексей не согласился.

— Потому что никто уже не знает, как этот завод работает.

В комнате снова стало тихо, но молчание было другим. Тяжелым, осознанным. Люди впервые начали понимать масштаб беды: они лишились не машин, они лишились собственной компетентности.

Сара нарушила тишину первой.

— Допустим, вы правы. Что предлагаете?

Алексей наконец улыбнулся. Она задала единственный вопрос, который имел смысл. Не «кто виноват», не «когда нас спасут».

— Искать старые производства.

— Старые?

— Те, что существовали до полной автоматизации.

— Их давно закрыли.

— Не все.

Максим осторожно поднял руку.

— Мы нашли карту...

Алексей достал из папки пожелтевший лист и развернул его прямо на столе. Бумага была плотной и потрескалась по краям. В центре темнела схема промышленного района, а на самом краю жирной линией был обведен огромный комплекс. Надпись почти стерлась, но всё еще

читалась: «Гефест-1». Ниже мелкими буквами значилось: автономный промышленный комплекс полного производственного цикла.

Первым заговорил энергетик.

— Я думал, это легенда.

— Он существовал, — спокойно ответил Алексей. — И если архив не врет, существует до сих пор.

Директор долго рассматривал карту, потом поднял взгляд.

— Расстояние?

— Двадцать восемь километров.

— Состояние?

— Неизвестно.

— Вероятность успеха?

Алексей пожал плечами.

— Не знаю. Но вероятность умереть здесь, ничего не делая, близка к ста процентам.

Совещание затянулось почти до вечера. Спорили, считали, возражали. Одни предлагали ждать помощи, другие экономить ресурсы, третьи полностью эвакуировать промышленную зону. Алексей почти не участвовал: он давно понял, что самые важные решения принимаются не тогда, когда заканчиваются аргументы, а тогда, когда заканчивается время.

Когда люди начали расходиться, директор окликнул его уже у двери.

— Орлов. Если этот завод существует, вы сможете его запустить?

Инженер посмотрел в окно, на огромный «Гелиос», на неподвижные краны, на остановившиеся конвейеры.

— Не знаю. Но если мы хотя бы не попробуем, через месяц уже некому будет задавать этот вопрос.

К вечеру в административном центре почти не осталось света. Раньше это здание было одним из самых ярких на территории «Гелиоса-17», его стеклянный фасад сиял так, что его видели за несколько километров. Теперь работали только аварийные линии, питавшиеся от отдельных аккумуляторов. Белые коридоры окрасились в тусклый янтарный цвет, и длинные тени делали знакомое место чужим.

Алексей задержался у окна. Внизу медленно двигались люди, без привычной суеты и без разговоров. Кто-то вез тележку с канистрами воды, двое подростков толкали застрявшую грузовую платформу, пытаясь вручную убрать ее с дороги.

У продуктового магазина стояла очередь, хотя ничего еще не кончилось. Утром управляющий вывесил объявление, написанное от руки: отпуск товаров по два наименования в одни руки. К полудню объявление сменили на другое, где было четыре наименования и приписка «извините за утреннюю ошибку». К вечеру объявление сняли совсем, потому что считать всё равно было нечем, а люди в очереди сами начали передавать друг другу, кто что берет, чтобы никому не досталось лишнего. Алексей смотрел на них сверху и думал, что за один день колония изобрела заново то, чему тысячу лет никто не учил: договариваться без системы, которая всё посчитает.

Похожие кадры он видел только в старых документальных фильмах о первых колониях, когда человечество едва осваивало дальние миры. Никто тогда не думал, что через тысячу лет всё придется начинать почти заново.

— Можно?

Максим осторожно постучал по дверному косяку. В руках он держал две металлические кружки.

— Нашел настоящий кофе.

Алексей поднял бровь.

— Где?

— У заведующего складом. Он обменял последнюю упаковку на аккумулятор для рации.

— Ограбил человека.

— Договорился.

— Это разные вещи.

Максим улыбнулся.

— Пока не знаю.

Они сели прямо на широкий подоконник. Кофе оказался неожиданно хорошим, горьким, настоящим, какой варили еще до появления синтетических напитков. Несколько минут они молчали. Иногда человеку нужен не разговор, а возможность посидеть рядом с тем, кто понимает происходящее.

— Вы ведь не первый раз сталкиваетесь с крупной аварией?

— Нет.

— Тогда почему выглядите так...

Максим замялся.

— Спокойно?

— Потому что я испугался еще утром. Теперь уже поздно бояться, теперь нужно работать.

Он сделал еще глоток.

— Знаешь, чему меня научил дед? Любая поломка сначала кажется уникальной. А потом выясняется, что это просто еще одна задача.

— Даже такая?

— Особенно такая.

Архив находился под главным административным корпусом. Толстая герметичная дверь открылась не с первой попытки: электропривод давно отключился, и пришлось вращать массивный механический маховик. Сара наблюдала за этим с нескрываемым удивлением.

— Не думала, что здесь вообще есть механические замки.

— Есть. Поэтому они до сих пор работают.

Когда дверь наконец сдвинулась, в лицо ударил сухой прохладный воздух. Внутри пахло бумагой, маслом, пылью и временем.

Максим остановился на пороге.

— Никогда здесь не был.

— Никто не был.

— Почему?

Алексей провел ладонью по стеллажу, и толстый слой пыли мгновенно прилип к пальцам.

— Потому что последние полтора десятилетия все считали, что знания можно хранить только в цифровом виде.

Сара усмехнулась.

— Похоже, бумага выиграла этот спор.

Архив оказался гораздо больше, чем ожидал Алексей. Длинные проходы уходили в темноту, на полках лежали тысячи папок, катушки с чертежами, старые инженерные журналы, руководства по эксплуатации. Некоторые документы были написаны от руки.

Максим осторожно взял одну папку.

— Кто-то ведь сидел и рисовал всё это карандашом.

— И благодаря этому мы сейчас можем читать.

Работа началась почти сразу. Архив разделили на сектора: Максим искал всё, что касалось промышленных объектов, Сара схемы дорог и коммуникаций, Алексей изучал старые каталоги заводов. Время потеряло значение. Листы сменяли друг друга, папки ложились на стол всё выше, некоторые документы рассыпались прямо в руках. Постепенно хаос начал складываться в картину.

Через три часа Максим громко позвал:

— Алексей!

— Нашел?

— Не знаю. Но вам стоит посмотреть.

На столе лежала толстая папка в серой обложке, где еще можно было разобрать выцветшую надпись: «Фонд 17. Автономные производственные комплексы первой волны освоения».

Алексей медленно открыл ее. На первой странице был список: «Гефест-1», «Гефест-2», «Титан», «Арсенал». Почти все названия перечеркивал красный штамп. Выведен из эксплуатации. Демонтирован. Затоплен. Штампа не было только напротив одного объекта.

Он перелистнул несколько страниц, и перед ним развернулась большая цветная схема. Не просто карта, а полный проект завода: подъездные пути, подземные тоннели, рудник, электростанция, водохранилище, жилой поселок. Через весь лист шла надпись: автономность комплекса до ста двадцати лет без внешнего снабжения.

Максим несколько раз перечитал строчку.

— Сто двадцать лет. Так не бывает.

— Бывает.

— Но зачем строить такой завод?

Ответ нашелся на следующей странице. Комплекс построили в первые годы колонизации, когда никто еще не знал, удастся ли наладить стабильное сообщение с Землей. Каждая новая колония должна была уметь выжить сама, и потому первые заводы умели производить почти всё, от гаечного болта до энергетической турбины. Потом появился «Прометей», и такие комплексы стали считать слишком дорогими.

Сара внимательно рассматривала карту.

— Двадцать восемь километров. Пешком. Через старый промышленный пояс.

Она перевела взгляд на Алексея.

— Там сейчас могут быть люди.

— Конечно.

— Какие?

Он пожал плечами.

— Такие же, как мы. Или совсем не такие.

На последнем листе лежала небольшая пожелтевшая записка. Без подписи, всего одна фраза, написанная чернилами:

«Если когда-нибудь вы снова откроете этот архив, значит, мы всё-таки ошиблись».

Максим нахмурился.

— Что это значит?

Алексей медленно сложил лист обратно.

— Пока не знаю. Но инженеры обычно не оставляют таких записок без причины.

Экспедицию решили отправить на рассвете. Дело было не в безопасности: никто уже не знал, что теперь считать безопасным. Просто дневной свет экономил энергию фонарей, а значит, давал еще один небольшой шанс. В новой реальности люди очень быстро научились считать шансы.

Алексей проснулся задолго до общего подъема и несколько минут лежал, глядя в потолок. Сон так и не пришел, в голове снова и снова прокручивалась карта. Двадцать восемь километров. Еще три дня назад пассажирская капсула прошла бы их за семь минут, теперь путь превращался почти в путешествие.

Он сел, открыл старый металлический шкаф и достал длинный матерчатый сверток. Внутри лежал набор инструментов, каждый завернут отдельно, некоторые потемнели от времени. На рукоятке разводного ключа еще можно было разобрать едва заметные буквы: П. Орлов. Дед.

Алексей провел пальцем по гравировке.

— Ну что, старик. Похоже, сегодня ты снова идешь на завод.

Максим уже ждал во дворе. Рядом стояли Сара и двое сотрудников службы безопасности: высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти и совсем молодой парень, пожалуй, даже моложе Максима.

— Знакомьтесь, — сказала Сара. — Виктор Громов, бывший инструктор колониальной полиции.

Виктор коротко кивнул.

— И Артем Лисов.

Парень улыбнулся.

— Рад познакомиться.

Алексей пожал каждому руку. Хорошая привычка: когда люди собираются в опасную дорогу, лучше сразу почувствовать, с кем идешь рядом.

Про Виктора он потом узнал, что двадцать лет службы у того почти целиком состояли из подготовки к тому, чего не случилось. Колониальная полиция последние десятилетия занималась в основном пропавшими детьми, которых находили через полчаса, и спорами из-за парковочных мест, которые решала система. Виктор вел курс действий при разгерметизации купола. Курс существовал сорок лет, разгерметизации не было ни разу, и каждый год находился кто-нибудь, кто предлагал курс сократить. Виктор каждый год отбивался и не мог объяснить почему. Теперь объяснять не приходилось: он единственный в колонии знал, как эвакуировать здание без электричества.

Артем пошел добровольцем, и Сара его отговаривала. Ему было двадцать три, он отслужил в охране всего второй год и до катастрофы больше всего гордился тем, что научился обходить смену за двенадцать минут вместо положенных пятнадцати. Когда сеть замолчала, оказалось, что быстрее всех бежит именно он, и это внезапно стало важным.

У ворот их ждал директор. Он выглядел постаревшим за одну ночь на несколько лет и держал в руках небольшой металлический контейнер.

— Аварийные элементы питания. Последние полностью заряженные. Используйте только в крайнем случае.

Он передал контейнер Алексею и немного помолчал.

— Возвращайтесь.

— Очень постараемся.

Директор хотел сказать что-то еще, но только кивнул.

Главные ворота открывались вручную. Массивные створки медленно разошлись, и за ними началась старая транспортная магистраль. Когда-то по ней круглосуточно двигались грузовые платформы, теперь дорога казалась мертвой, и от этого становилось не по себе.

Первые километры прошли молча, каждый думал о своем. Максим постоянно оглядывался, Сара осматривала здания, Виктор шел чуть впереди, Артем замыкал группу. Только Алексей время от времени останавливался, прислушивался, рассматривал оборудование, проводил рукой по ржавеющим перилам, словно разговаривал с городом.

— Вы всегда такой? — неожиданно спросила Сара.

— Какой?

— Ищете что-то, чего остальные не замечают.

— Есть старая инженерная поговорка. Хороший механик ищет поломку. Плохой ищет виноватого.

Сара улыбнулась. Такого за ней еще не замечали. Совсем немного, но Алексей заметил.

Через два часа они вышли к транспортному узлу, и Максим остановился. Перед ними ровными рядами стояли сотни грузовых платформ, согнанных на гигантскую парковку. Некоторые так и замерли с контейнерами, другие с открытыми люками. Несколько машин столкну-

лись друг с другом, совсем несильно: не от скорости, а от того, что одновременно потеряли управление.

— Никогда не видел столько техники сразу.

— Видел, — тихо сказал Алексей. — Только раньше она двигалась.

Они шли между платформами почти час. Иногда приходилось перелезать через сцепки, иногда обходить целые завалы. В какой-то момент Артем поднял руку.

— Стойте.

Все замерли. Откуда-то доносился негромкий металлический звон. Не ветер, не осыпающийся металл. Кто-то работал.

Сара жестом показала укрыться. Они осторожно поднялись по насыпи. Внизу, возле перевернутой транспортной платформы, работали семь человек в грязной одежде, со старыми инструментами и несколькими переносными сварочными аппаратами. Они разбирали поврежденный грузовик, но не ломали его, а осторожно снимали исправные детали.

— Мародеры? — прошептал Артем.

— Нет.

— Почему вы так решили?

— Посмотри внимательно.

Один мужчина аккуратно складывал подшипники в тканевый ящик, другой бережно упаковывал электронные блоки, третий записывал что-то в бумажный журнал. Настоящий журнал.

— Они сортируют детали. Не воруют. Спасают.

Один из незнакомцев поднял голову и увидел экспедицию. Несколько секунд обе группы молча смотрели друг на друга. Никто не потянулся к оружию, никто не сделал резких движений. Мужчина медленно поднял руку ладонью вперед. Не приветствие и не угроза, скорее признание: мы понимаем, кто вы. Алексей ответил тем же жестом, и незнакомцы спокойно вернулись к работе.

— Мы так и уйдем? — удивился Максим.

— Да.

— Но почему?

— Потому что сегодня они чинят свой мир. А мы идем чинить свой.

К полудню погода резко испортилась. С востока пришел сильный ветер, небо затянуло тяжелыми серыми облаками, начался мелкий дождь, и старая бетонная дорога быстро превратилась в скользкую ленту.

— Привал через десять минут, — сказала Сара.

Но Алексей уже не слушал. Вдали, сквозь дождевую дымку, что-то появилось. Сначала показалась высокая труба, потом еще одна, затем огромный силуэт, едва различимый на горизонте. Он остановился, достал бинокль и смотрел молча.

Максим не выдержал первым.

— Что там?

Инженер опустил бинокль.

— Мы пришли раньше, чем рассчитывали.

— Это он?

— «Гефест-1».

Но что-то было не так. Он снова посмотрел в бинокль. Над заводом не поднимался дым, и это было ожидаемо. Не работали сигнальные огни, и это тоже не удивляло. Однако на одной из башен что-то коротко блеснуло, как отраженный стеклом солнечный луч, и сразу исчезло.

— Максим.

— Да?

— Ты видел?

— Что именно?

— Кажется...
На заводе кто-то есть.

Глава третья. Спящий гигант

Дождь закончился так же внезапно, как начался. Тяжелые облака уходили на восток, открывая бледное вечернее небо, последние лучи солнца скользнули по вершинам старых труб, и огромный силуэт завода перестал наконец быть размытым пятном на горизонте.

Максим молча смотрел вперед.

— Он больше города.

— Почти, — ответил Алексей.

Чем ближе они подходили, тем сильнее менялось ощущение масштаба. Издалека «Гефест-1» казался обычным промышленным комплексом, теперь стало понятно, что это целый промышленный мир. Главный сборочный корпус поднимался над равниной, как горный хребет, рядом тянулись десятки цехов, между ними проходили железнодорожные линии, на отдельных площадках стояли гигантские резервуары, а высоко над всем этим переплетались трубопроводы, похожие на артерии исполинского организма.

— Такое невозможно построить за одно поколение, — тихо произнес Виктор.

— И не строили. Его расширили почти сорок лет.

Чем ближе они подходили, тем отчетливее чувствовалось странное спокойствие этого места. Ни птиц, ни насекомых. Даже ветер обходил завод стороной. Только редкий металлический скрип доносился откуда-то сверху.

Максим поднял голову. На одном из козловых кранов медленно раскачивалась оборванная сигнальная цепь.

— Просто ветер.

— Нет, — спокойно сказал Алексей.

— Тогда что?

— Завод остывает.

— Он же не работает.

— Металл еще долго живет своей жизнью. Днем нагревается, вечером остывает, сжимается и начинает разговаривать.

Максим улыбнулся.

— Вы опять разговариваете с железом.

— Я просто давно научился его слушать.

Последние два километра дались тяжелее всего. Шли уже одиннадцатый час, и ноги переставали слушаться раньше головы. У Максима давно натерло правую пятку, но говорить об этом было стыдно: Виктор, который был старше его на четверть века, шел ровно и молча. Воду допили еще до дождя, потом собирали дождевую в пустую флягу, и она отдавала пылью. Артем предложил остановиться на ночь и войти утром, и его никто не поддержал, хотя каждый понимал, что он прав. Просто завод был уже виден, а ночевать в двух километрах от цели невозможно.

Главные ворота оказались закрыты. Две створки высотой почти с пятиэтажный дом, толстая сталь потемнела от времени, но следов коррозии почти не было. Сара провела рукой по поверхности.

— Странно.

— Что именно?

— Ни одной попытки взлома.

Она была права. Ни резака, ни следов взрывчатки, ни деформированных замков. Будто сюда действительно никто не приходил. Или не смог войти.

Максим нашел старую информационную табличку. Большинство букв стерлось, но кое-что читалось: промышленный комплекс «Гефест-1», основан в 2164 году. Ниже, буквами помельче: мы не производим детали, мы производим будущее.

Виктор тихо усмехнулся.

— Красиво сказано.

Алексей не сразу отвел взгляд от старой эмблемы.

— Раньше инженеры умели красиво говорить. Потому что верили в свою работу.

Ворота открывались механически. Ни терминалов, ни сканеров, только огромное литое колесо диаметром почти два метра.

— Надеюсь, оно не заржавело, — пробормотал Артем.

— Заржавело бы, развалилось, — ответил Виктор. — Оно целое.

Все пятеро взялись за спицы. Колесо не шелохнулось.

— Еще раз.

Металл глухо скрипнул. Максим стиснул зубы, Виктор навалился всем телом, и механизм вздрогнул. Где-то глубоко внутри ворот раздался тяжелый удар, потом еще один: огромные засовы, не двигавшиеся десятилетиями, нехотя выходили из пазов. Створки дрогнули и очень медленно поползли в стороны.

Из темноты пахнуло холодным воздухом. Не затхлостью, не плесенью, а машинным маслом. Старым, очень старым, но всё еще узнаваемым.

Алексей закрыл глаза и улыбнулся впервые за двое суток.

— Смазка.

— Что?

— Она еще пахнет. Значит, комплекс законсервировали правильно.

Они вошли внутрь. Фонари выхватывали из темноты отдельные фрагменты огромного цеха: сначала первый токарный станок, потом второй, третий, десятый. Через несколько минут стало понятно, что конца этому залу не видно. Колонны уходили в темноту, под потолком висели мостовые краны, конвейерные линии тянулись на сотни метров, на полу стояли транспортные тележки. Будто рабочие просто закончили смену и собирались вернуться утром, только это утро так и не наступило.

Сара шла последней и держалась чуть в стороне от остальных, у самой стены. Привычка была старая, полицейская: не сбиваться в группу в незнакомом помещении. Она поймала себя на том, что ищет глазами то, чего здесь быть не могло. Камеры. Пульт охраны. Схему эвакуации на стене. За двенадцать лет службы она ни разу не входила в помещение, где не было хотя бы одного из трех.

Здесь не было ничего. Огромное пространство, тысячи тонн железа и никакого способа узнать, что происходит в дальнем конце зала, кроме как дойти туда и посмотреть.

Она вдруг поняла, что впервые за много лет по-настоящему не знает, что находится у нее за спиной. И еще поняла, что ей это скорее нравится.

Максим осторожно коснулся ближайшего станка, и на пальцах остался толстый слой пыли.

— Похоже, здесь никого не было много лет.

— Не спеши.

Алексей присел возле основания станка, провел фонарем по полу, потом провел пальцем по металлической направляющей.

— Что вы нашли?

Он показал палец. На нем блестела тонкая прозрачная пленка.

— Масло.

— Не может быть. Оно должно было высохнуть.

— Если бы кто-то не обслуживал систему консервации.

Сара первой поняла смысл этих слов.

— Хотите сказать, здесь кто-то был?

— Или что-то.

Они двинулись дальше. Каждый шаг отдавался долгим эхом, иногда сверху срывались капли воды, иногда скрипели металлические балки. И всё равно не покидало чувство, что завод наблюдает за ними. Не в мистическом смысле, а как сложный механизм, десятилетиями ждавший момента, когда в его коридорах снова появятся люди.

В глубине цеха послышался негромкий щелчок. Все одновременно остановились. Виктор уже держал руку на кобуре, Сара медленно выключила фонарь, и наступила темнота.

Снова щелчок. Потом еще один: где-то далеко пыталось включиться старое реле.

Алексей поднял голову. Нет, это был не случайный звук: он слишком хорошо его знал. Так работали механические контакторы, какие ставили только на первые промышленные комплексы. Самопроизвольно их невозможно было активировать. Кто-то или что-то подало питание на один из контуров.

— Всем стоять, — тихо сказал он.

Никто не пошевелился. Прошла почти минута. Затем далеко впереди, за несколькими рядами станков, вспыхнула одинокая зеленая лампа. Маленькая, почти незаметная. Она горела две секунды и погасла.

Максим выдохнул.

— Вы тоже это видели?

Никто не ответил. Потому что видел каждый.

Темнота снова поглотила огромный цех. Несколько секунд никто не двигался, даже дыхание казалось слишком громким. Алексей медленно поднял руку.

— Фонари не включать.

Максим наклонился ближе.

— Почему?

— Если питание действительно появилось, я хочу понять, откуда оно приходит. В темноте легче увидеть свет.

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Сквозь высокие грязные окна пробивались последние лучи заката и ложились на старые станки длинными золотистыми полосами. Когда-то здесь работали сотни людей, а сейчас огромный цех походил на заброшенный собор, где вместо колонн стояли токарные станки, а вместо алтаря исполинский мостовой кран. Максим поймал себя на странной мысли. Здесь не хотелось говорить громко: само помещение требовало уважения.

— Виктор.

— Да.

— Проверьте периметр.

— Уже.

— Не с точки зрения безопасности. Посмотрите на пол.

Бывший полицейский вопросительно поднял брови, но спорить не стал. Через несколько минут он присел возле ближайших ворот, провел пальцем по бетонному покрытию и медленно обернулся.

— Здесь были люди.

Сара сразу подошла к нему. На серой бетонной пыли отчетливо отпечатались следы. Не сегодняшние и не вчерашние, но и не десятилетней давности: кто-то проходил здесь несколько недель назад.

Максим присел рядом.

— Может, это строители, которые законсервировали завод?

— Нет. Посмотри внимательнее. Следы идут только в одну сторону.

— И что?

— Они не возвращались.

Эта мысль никому не понравилась.

Чем глубже экспедиция заходила в главный производственный корпус, тем отчетливее становилось чувство, что завод вовсе не мертв. Он спал. Под потолком медленно покачивались силовые кабели, где-то далеко с равномерным интервалом падали капли воды, из вентиляционных шахт тянуло холодным воздухом, иногда металл тихо потрескивал, остывая после дневного солнца. Все эти звуки складывались в странную мелодию, которая для остальных была шумом, а для Алексея языком.

Он остановился и закрыл глаза.

— Что случилось? — тихо спросила Сара.

— Тише.

Несколько секунд он просто слушал, потом открыл глаза.

— Где-то работает насос.

Максим удивленно оглядел зал.

— Я ничего не слышу.

— Конечно. Он слишком далеко. Но работает.

Через десять минут они вышли к огромному машинному залу. В центре поднимался цилиндрический резервуар метров пятнадцати в диаметре, от него во все стороны расходились толстые трубы. На старой табличке еще читалось: система аварийного охлаждения.

Алексей подошел ближе и приложил ладонь к трубе. Она была холодной, почти ледяной. И едва заметно вибрировала, настолько слабо, что через перчатку это невозможно было почувствовать. Он снял перчатку, снова приложил ладонь. Ошибки быть не могло: где-то очень далеко медленно вращалась крыльчатка.

— Насос действительно работает, — прошептал он.

Сара резко обернулась.

— Тогда здесь есть электричество.

— Нет.

— Почему?

— Потому что одного насоса недостаточно, чтобы запитать весь комплекс.

Она нахмурилась.

— Тогда зачем он включен?

Алексей не ответил. Ответа у него и не было, и это нравилось ему меньше всего. Инженер спокойно относится к сложной задаче, но не любит задачу без исходных данных.

Они решили двигаться вдоль трубопровода. Если насос работал, значит, где-то находился источник энергии, а если существовал источник энергии, значит, существовала надежда.

По дороге Максим всё чаще замечал мелочи, которых раньше не видел. На одном из верстаков лежала кружка. Настоящая, металлическая, с давно высохшими остатками кофе. Рядом лежал остро заточенный карандаш. Хозяин собирался вернуться через несколько минут. На стене висел календарь, и последняя отмеченная дата приходилась на двадцать третье августа. Без года, без пояснений. Просто зачеркнутый квадрат.

Максим провел пальцем по бумаге.

— Странно. Здесь всё выглядит так, будто люди ушли не навсегда.

— Иногда завод закрывают за один день. Но жизнь, которая в нем была, остается еще очень долго.

Трубопровод вывел их в небольшое помещение, которое после огромных цехов казалось почти тесным. На стенах висели десятки стрелочных приборов, большинство давно показывали ноль. В углу стоял деревянный стол. Настоящий, из старого темного дерева, не пластиковый и не композитный. На столе лежал толстый журнал.

Максим осторожно раскрыл его. Первые страницы были исписаны аккуратным почерком: температура, давление, замена фильтров, проверка клапанов. Последняя запись отличалась. Всего две строки:

«Автоматический режим отключен. Дальше только вручную».

Без подписи, без даты.

Алексей медленно закрыл журнал.

— Забираем.

— Думаете, это важно?

— Очень. Потому что человек, написавший эти слова, уже понимал то, что мы только начинаем понимать.

В этот момент где-то глубоко под полом раздался тяжелый металлический удар. Не громкий, но настолько мощный, что бетон едва заметно дрогнул. Все подняли головы. Удар повторился ровно через такой же промежуток.

— Это уже не насос, — тихо сказал Виктор.

Алексей улыбнулся. Впервые за двое суток по-настоящему.

— Нет. Это сердце.

Удар повторился снова. Глухой, размеренный, словно где-то глубоко под землей медленно вращался огромный механизм. Все пятеро невольно задержали дыхание.

— Интервал одинаковый, — тихо сказал Виктор.

Алексей уже достал блокнот: он никогда не доверял памяти, когда дело касалось механизмов. Поставил точку, отсчитал, поставил еще одну. Ровно тридцать секунд. Еще удар. Тридцать секунд. Еще.

Он закрыл блокнот.

— Это не авария.

— Откуда вы знаете? — спросил Артем.

— Аварии не работают настолько дисциплинированно.

Звук доносился снизу, оттуда, где на старых схемах располагался энергетический сектор. Чем глубже экспедиция уходила под завод, тем прохладнее становился воздух. На металлических конструкциях выступал конденсат, пахло сыростью, маслом и старым бетоном.

Максим провел рукой по стене.

— Здесь холоднее градусов на десять.

— Так и должно быть.

— Почему?

— Чем ближе к энергетике, тем стабильнее температура. Оборудование любит постоянство. Люди тоже, только редко это признают.

Лестница закончилась тяжелой герметичной дверью с красной табличкой: энергетический блок А, посторонним вход запрещен. Замок оказался механическим, и толстый рычаг не поддавался. Виктор попробовал первым, потом Артем. Безрезультатно.

Алексей присел возле механизма, рассмотрел его и неожиданно улыбнулся.

— Что? — спросила Сара.

— Он не заклинил.

— Тогда почему не открывается?

Инженер указал на маленькое отверстие возле оси рычага.

— Здесь не хватает стопорного штифта.

Он достал из кармана тонкий металлический стержень, обычный гвоздь, который зачем-то носил с собой последние лет пятнадцать.

— Иногда самая дорогая машина зависит от детали ценой в несколько монет.

Стержень вошел в отверстие, рычаг повернулся, замок мягко щелкнул, и дверь медленно открылась. Максим смотрел на наставника почти с восхищением.

— Вы специально носите его с собой?

— Нет. Просто дед говорил: хороший инженер никогда не знает заранее, какая мелочь однажды спасет ему день.

За дверью открылся длинный тоннель. По полу шли силовые кабели толщиной с человеческую руку, одни уходили в бетонные стены, другие исчезали в темноте. И все они были подписаны настоящими металлическими бирками.

Максим остановился.

— Как красиво.

— Что именно?

— Всё подписано. Каждый кабель, каждый вентиль, каждая труба.

— Потому что завод строили люди. Для людей, а не для искусственного интеллекта.

Он провел ладонью по одной из табличек. Буквы были выбиты вручную, четко и глубоко. Человек, который их делал, понимал: через пятьдесят лет кто-то другой будет искать именно этот кабель, и ошибиться этот кто-то не должен.

Через несколько минут они вышли в огромный круглый зал, и Максим невольно остановился. Помещение уходило вверх метров на сорок, по стенам спиралью поднимались лестницы, а в центре стояла исполинская машина: массивный маховик, толстый вал, генератор, насосы, теплообменники, всё соединенное в один механизм.

— Это и есть сердце? — тихо спросил Артем.

— Нет. Это только кровеносная система.

Алексей подошел к генератору, приложил ладонь к корпусу, закрыл глаза. Максим уже перестал удивляться этому жесту: если наставник так делает, значит, действительно что-то чувствует.

— Работает.

— Но ведь электричества нет.

— Есть. Очень мало, ровно столько, чтобы поддерживать систему консервации.

— Тогда почему завод не запускается?

Алексей долго молчал, потом поднял взгляд на массивный маховик.

— Потому что его никто не будит.

Виктор обошел помещение.

— Здесь никого.

— Не совсем.

Он указал фонарем на пол. Снова следы, только на этот раз совсем свежие: пыль была нарушена несколько дней назад. Их было много, не меньше десяти человек, и все вели к узкой металлической двери в дальней части зала. Ни один не возвращался обратно.

Сара медленно сняла карабин с предохранителя.

— Мне это уже не нравится.

— Мне тоже, — спокойно сказал Алексей. — Но по другой причине. Посмотри на дверь.

Она взглянула внимательнее и увидела. Дверь была закрыта изнутри.

Несколько секунд никто не произносил ни слова. Максим почувствовал, как пересохло во рту.

Он никогда раньше не боялся по-настоящему. В университете была теория вероятности отказов, где смерть обозначалась коэффициентом, и был случай на втором курсе, когда в общежитии загорелась проводка и все спокойно вышли, потому что система сама вызвала пожарных. Максим тогда даже не успел испугаться: испугаться просто не дали. Сейчас никто не собирался его спасать, и он поймал себя на очень простой и очень стыдной мысли: если сейчас что-то произойдет, помощь не придет вообще. Ни через минуту, ни через час. Ее больше нет нигде.

Он посмотрел на Алексея. Тот стоял вполоборота и разглядывал дверь так же спокойно, как утром разглядывал насос. И Максим вдруг понял, что дело не в храбрости. Просто наставник, в отличие от него, всю жизнь работал в мире, где помощь не приходит сама.

Если дверь заперта изнутри, значит, кто-то закрыл ее после того, как вошел. Или кто-то не хотел, чтобы оттуда вышли.

Алексей подошел ближе. На уровне глаз висела небольшая латунная табличка, почти скрытая пылью. Он осторожно стер ее рукавом, и проступили слова: центральный диспетчерский узел, допуск только для главного инженера смены.

— Ответы находятся именно там.

И в этот момент за тяжелой дверью раздался звук. Очень тихий, почти неслышный и совершенно невозможный.

Кто-то медленно повернул старую металлическую ручку.

Глава четвертая. Первое электричество

Ручка повернулась еще раз, медленно, со скрипом, как если бы человек по ту сторону двери сомневался, стоит ли открывать.

Сара уже держала карабин у плеча. Виктор сделал шаг в сторону, освобождая сектор. Артем судорожно сглотнул. Один Алексей не отрывал взгляда от двери. Не от храбрости: за двадцать пять лет работы он понял простую вещь. Большинство катастроф начинается не тогда, когда открывается дверь, а тогда, когда люди перестают думать.

Ручка остановилась. Из-за двери донесся негромкий металлический щелчок, потом еще один.

Максим не выдержал первым.

— Что это было?

Алексей подошел ближе, приложил ухо к холодной стали и замер.

— Не человек.

— Почему?

— Слушайте.

Они замерли. Где-то за дверью через равные промежутки повторялся негромкий звук. Щелчок. Пауза. Щелчок. Пауза.

Максим нахмурился.

— Похоже на...

— Реле. Старое электромеханическое реле. Оно пытается включиться, но ему не хватает питания.

Сара опустила оружие. Опустила и вдруг заметила, что руки у нее слегка дрожат, и не от страха. От того, что она две минуты держала на прицеле неисправную деталь.

Двенадцать лет ее учили считать неизвестное угрозой. Это была хорошая наука, она много раз спасала людей и ни разу не подводила. Но здесь, в подземном зале мертвого завода, выяснилось, что неизвестное бывает и другим. Что можно сорок минут стоять напротив непонятного звука и в конце концов узнать, что это всего лишь реле, которому не хватает энергии.

Она посмотрела на Алексея. Тот уже отошел от двери и что-то разглядывал в углу, полностью забыв и про звук, и про оружие, и про нее.

— Значит, там никого нет?

— Пока мы этого не знаем. Но теперь я хотя бы понимаю, что услышал.

Дверь была заперта на внутренний механический замок. Никакой электроники, толстая стальная защелка. Виктор осмотрел конструкцию.

— Ломать будем?

— Только если другого выхода нет.

Алексей уже обходил помещение. Его внимание привлек старый распределительный шкаф с дверцей, висящей на одной петле. Внутри стояли десятки массивных переключателей, и каждый был подписан черными буквами по белому металлу. Освещение. Вентиляция. Насосная. Диспетчерская.

Он невольно улыбнулся.

— Красота.

Максим подошел ближе.

— Что красивого?

— Всё понятно. Без инструкций, без меню, без паролей. Любой инженер через сто лет откроет этот шкаф и сразу поймет, что перед ним.

На нижней полке лежал толстый журнал обслуживания. На первой странице было написано: перед включением любого контура убедиться в отсутствии короткого замыкания. Ниже стояла подпись: главный инженер комплекса Михаил Егоров.

Алексей задержал взгляд на фамилии, потом перевернул страницу. Журнал был заполнен почти полностью, каждая запись короткая и четкая, без лишних слов. Сразу чувствовалось, что писал человек, который больше любил работать, чем объяснять.

Последняя запись датировалась тридцатью двумя годами назад: комплекс переведен в режим длительной консервации. Следующая строка была написана другой ручкой и совсем другим почерком, неровным, торопливым.

«Если кто-нибудь однажды придет сюда, сначала запустите свет».

Максим удивленно поднял голову.

— Только свет? Почему не реактор?

— Потому что хороший инженер никогда не начинает с самого сложного. Он сначала проверяет самое простое.

Алексей открыл шкаф. Большинство автоматов стояли в нижнем положении. Он изучил схему.

— Максим. Какой автомат отвечает за освещение этого сектора?

Парень долго водил пальцем по пожелтевшей схеме.

— Вот этот.

— Почему?

— Потому что линия идет сюда, потом через распределитель, потом...

Он вдруг улыбнулся.

— Кажется, начинаю понимать старые схемы.

Алексей похлопал его по плечу.

— Вот это уже похоже на инженера.

Он осторожно поднял рычаг. Ничего. Еще раз. Тишина.

Максим вздохнул.

— Не работает.

— Подожди.

Инженер наклонился к шкафу. Где-то внутри еле слышно зажужжал контактор и стих.

— Питание есть. Но слишком слабое.

— Значит? — спросила Сара.

— Значит, система еще жива. Ей просто не хватает энергии.

Ночевать решили здесь же, в диспетчерской. Виктор нашел в углу стопку старых брезентовых чехлов, и они оказались лучше любого спальника: сухие, плотные, пахнувшие пылью и мазутом. Ужин состоял из двух сухих пайков на пятерых, которые Сара разделила ножом с точностью, приятной Алексею как инженеру. Артем предложил вскрыть третий, и Сара молча посмотрела на него, после чего вопрос отпал.

Разговаривали мало. Максим лежал на брезенте, смотрел в невидимый потолок и думал, что за сутки успел пройти двадцать восемь километров, войти в мертвый завод и почти привыкнуть к тому, что помощь не придет. Человек, оказывается, приспосабливается быстрее, чем думает о себе.

Где-то за стеной по-прежнему щелкало реле. Под этот звук он и уснул.

Утром Виктор обследовал помещение и позвал остальных.

— Орлов. Идите сюда.

За старым металлическим стеллажом скрывалась небольшая комната. На первый взгляд обычная мастерская: верстак, шкафы, инструменты. Но внимание Алексея привлек не инструмент, а велосипед. Самый обычный велосипед с генератором на заднем колесе.

Максим удивленно рассмеялся.

— Это шутка?

Алексей подошел, провел рукой по генератору, потом посмотрел на старую инструкцию, прикрученную прямо к стене: аварийный ручной источник питания, использовать только для проверки цепей управления.

Он улыбнулся по-настоящему.

— Михаил Егоров, вы были очень умным человеком.

Через несколько минут Максим уже сидел на велосипеде.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Мне крутить педали?

— Очень быстро.

— И это запустит завод?

— Нет. Но, возможно, запустит одну лампочку.

Парень глубоко вдохнул и начал крутить. Колесо зажужжало, маленький генератор тихо загудел, стрелка старого вольтметра дрогнула, поднялась и замерла.

Алексей следил за приборами.

— Еще.

Максим ускорился. Первые полминуты казалось, что это легко. Потом генератор начал сопротивляться: чем быстрее вращалось колесо, тем сильнее он тянул назад, и Максим впервые в жизни почувствовал электричество не как строку в отчете, а как вес. На лбу выступил пот, бедра начало жечь, дыхание сбилось.

И вдруг в дальнем конце зала щелкнул контактор, потом еще один, и под самым потолком вспыхнула одинокая лампа. Старая, теплая, желтая.

Она горела пять секунд и погасла. Этих пяти секунд хватило.

Никто не сказал ни слова. Все просто смотрели вверх, как на первый в жизни огонь. Алексей снял кепку и почти шепотом произнес:

— Здравствуй, старик. Кажется, мы действительно сможем тебя разбудить.

Темнота вернулась мгновенно, но теперь она была другой. Еще несколько минут назад огромный подземный зал казался мертвым, теперь все знали, что внутри него теплится жизнь. Надежда перестала быть красивым словом и превратилась в инженерную задачу.

Максим медленно слез с велосипеда. Ноги дрожали.

— Всего пять секунд.

Он тяжело дышал.

— Я думал, получится дольше.

— И не должно было получиться дольше, — сказал Алексей.

— Тогда зачем?

Инженер неожиданно рассмеялся, тихо и по-доброму.

— Максим, ты только что сделал то, чего никто на этой планете не делал уже несколько десятилетий. Собственноручно подал питание на промышленный контур.

Он положил ладонь ученику на плечо.

— Поздравляю. Сегодня ты перестал быть техником.

Эти слова слышали все. Даже Сара улыбнулась. Виктор усмехнулся в усы.

— Посвящение прошло оригинально.

— Настоящее посвящение всегда происходит грязными руками.

Алексей снова подошел к распределительному шкафу. Теперь можно было рассмотреть приборы внимательнее: пыль, тонкая паутина, пожелтевшие изоляционные таблички. Но сами контакты выглядели почти новыми. Слишком новыми.

Он осторожно снял защитную крышку, осветил фонарем и нахмурился.

— Что-то не так?

Максим уже научился читать выражение его лица.

— Очень.

Он указал внутрь шкафа. Контакты были покрыты тонким серебристым налетом.

— Видишь? Они чистые.

— Разве плохо?

— Плохо другое. Они не могли очиститься сами.

Все переглянулись.

— Хотите сказать, кто-то обслуживал шкаф?

— Максимум несколько месяцев назад.

Алексей провел пальцем по контактной группе. Пыль лежала только сверху, внутри ее почти не было. В голове у каждого возник один и тот же вопрос: кто.

Сара нарушила молчание первой.

— Может, здесь жили люди?

— Возможно.

— Тогда где они?

— Пока не знаю.

— А если они вернуться?

Алексей пожал плечами.

— Тогда познакомимся.

Ответ прозвучал слишком спокойно, и Сара вдруг поняла: он действительно не думает о возможной опасности. Для него сейчас гораздо важнее понять, почему работает оборудование.

— Есть идея, — сказал он и медленно закрыл шкаф. — Мы ищем людей. А искать нужно инженера.

— Разве это не одно и то же?

— Человек оставляет следы. Инженер оставляет систему.

Максим задумался.

— Тогда он специально очистил контакты. Чтобы следующий смог запустить питание.

— Первое самостоятельное инженерное заключение. Запомни этот момент.

Они начали осматривать помещение уже не как охотники и не как спасатели, а как коллеги неизвестного инженера, и разница оказалась огромной. Максим первым заметил маленькую стрелку, нарисованную мелом на бетонной стене. Обычная белая линия, совсем незаметная, и рядом одно слово: «Дальше».

— Алексей!

Тот подошел, провел рукой по надписи. Мел почти не осыпался.

— Свежая.

— Насколько?

— Месяц. Может быть, два. Кто-то действительно готовил путь.

Стрелка указывала в сторону узкого технического коридора, которого не было на старой схеме.

— Почему его нет на плане?

Максим уже начинал понимать логику наставника.

— Потому что это не производственный проход.

— А какой?

— Инженерный.

Коридор оказался неожиданно тесным. Трубы проходили прямо над головой, иногда приходилось идти боком, а через каждые двадцать метров висели небольшие таблички: канал обслуживания 4, только для персонала.

— Здесь никогда не возили оборудование, — заметил Виктор.

— Нет.

— Тогда зачем такие проходы?

— Чтобы инженер мог добраться до любой системы, даже если весь завод остановился.

Максим снова огляделся и вдруг понял одну вещь. Все эти тоннели, лестницы, обходные линии, ручные вентили и механические замки существовали вовсе не потому, что инженеры прошлого не доверяли автоматике. Они доверяли человеку.

Минут через десять коридор закончился небольшой комнатой, пять на пять метров. Посередине стоял металлический стол, на нем лежала старая каска, рядом кружка и фотография. Настоящая бумажная фотография.

Максим осторожно поднял ее. На снимке улыбались пятеро мужчин и одна женщина, все в рабочих комбинезонах, а позади них поднимался тот самый энергетический зал. На обороте кто-то аккуратно подписал:

«Последняя смена "Гефеста". Мы оставляем завод не потому, что он нам больше не нужен. Мы оставляем его потому, что однажды он снова понадобится людям».

Ниже стояли подписи. Последней была подпись Михаила Егорова.

Алексей долго смотрел на фотографию.

— Теперь я понимаю.

— Что?

— Он не консервировал завод. Он передавал его дальше.

В этот момент где-то совсем рядом негромко зажуужал электродвигатель. Все резко обернулись. Звук шел из соседнего помещения, очень короткий, всего секунду: кто-то провернул вал и остановился.

Максим прошептал:

— Он просыпается?

Алексей не ответил. Он уже быстро шел на звук.

За дверью оказалось небольшое помещение, почти полностью заставленное шкафами управления. После просторных цехов здесь было тесно: низкий потолок, толстые пучки кабелей, стальные лотки, уходящие в стены. В центре стоял массивный распределительный пульт с десятками стрелочных приборов. Все стрелки замерли, кроме одной, и та едва заметно подрагивала.

Максим первым нарушил молчание.

— Это он шумел?

— Шумел не двигатель. Работал привод заслонки.

— Но зачем ему включаться?

Инженер обошел помещение, и ответ нашелся под самым потолком, где из небольшого вентиляционного короба тянуло прохладным воздухом.

— Чтобы не перегрелась аппаратура.

Сара подняла голову.

— Получается, даже сейчас завод сам пытается сохранить себя?

— Не весь завод. Только то, без чего его уже невозможно будет восстановить.

Никто не ожидал, что машина, построенная десятилетия назад, окажется настолько предусмотрительной. Не разумной, а именно предусмотрительной, и разницу Алексей считал огромной. Хороший инженер не строит вечных машин, он строит машины, которые смогут дождаться следующего инженера.

На боковой стенке шкафа висела старая папка. Не в архиве, не на складе, а прямо возле оборудования. На обложке крупными буквами было написано: НЕ ЧИТАТЬ. ИСПОЛЬЗОВАТЬ.

Максим усмехнулся.

— Странное название.

— Очень правильное.

Алексей снял папку. Листы были затерты почти до дыр, на многих страницах остались жирные отпечатки пальцев, следы масла, капли воды. Кто-то пользовался этой инструкцией годами. Не ради отчета, а чтобы работать.

На первой странице не было длинного вступления, всего одна строчка: если вы открыли эту папку, значит, автоматика больше не справляется, и теперь всё зависит от вас.

Максим медленно выдохнул.

— Он с нами разговаривает. Честное слово.

Алексей уже перелистывал страницы. Инструкция сильно отличалась от современных: никаких сложных схем, никаких ссылок на электронные базы. Каждый этап сопровождался рисунком, под каждым рисунком шло короткое объяснение. Перед запуском всегда послушайте насос. Если слышите металлический звон, остановитесь. Если сомневаетесь, проверьте еще раз. Машина простит потерю времени и не простит спешку.

— Красиво написано.

— Это же инструкция.

— Нет. Это опыт.

Сара внимательно наблюдала за ним.

— Вы ведь уже догадались.

— О чем?

— Почему всё здесь устроено именно так.

Инженер помолчал.

— Люди строили этот завод не для себя. Они строили его для тех, кого никогда не увидят.

Максим перелистнул еще несколько страниц и вдруг застыл.

— Алексей. Здесь карандашом что-то дописано. В самом низу.

Они наклонились ближе. Надпись была почти стерта: не верьте контрольным лампам, сначала измерьте напряжение. Ни подписи, ни даты. Только совет, очень конкретный.

— Почему кто-то написал это отдельно? — спросил Артем.

Алексей уже доставал старый мультиметр.

— Сейчас узнаем.

Он подключил прибор к контрольной линии. Стрелка медленно поднялась и остановилась.

— Двенадцать вольт.

Максим перевел взгляд на сигнальную панель, где горела зеленая лампа.

— Но она показывает норму.

— Именно. А напряжение в четыре раза ниже рабочего. Если бы мы поверили лампе, решили бы, что система исправна.

Сара нахмурилась.

— Значит, кто-то уже однажды ошибся.

— И оставил предупреждение следующему.

Максим вдруг понял, почему Алексей так уважал старые заводы. Настоящая инженерная культура жила не в книгах, не в дипломах и не в лекциях, а в короткой фразе, написанной карандашом на полях инструкции, чтобы неизвестный человек спустя десятилетия не повторил чужую ошибку.

В дальнем углу стоял металлический шкаф с инструментами. Замок давно проржавел, и Виктор осторожно поддел его монтировкой. Внутри всё лежало на своих местах: каждый ключ, каждый съемник, каждая оправка, словно мастер только что закончил смену. На внутренней стороне дверцы висела фотография молодого человека в рабочем комбинезоне, а под снимком было аккуратно выведено: Сергей Мельников, лучший механик смены. Ниже приписка: если берешь инструмент, положи обратно туда, где взял, Сергей всё равно узнает.

Максим невольно рассмеялся.

— Даже шутки оставляли.

Алексей тоже улыбнулся. Впервые за долгое время завод показался ему не холодной машиной, а местом, где когда-то жили настоящие люди.

Он уже собирался закрыть шкаф, когда взгляд зацепился за небольшой сверток в нижнем ящике. Плотная промасленная ткань, а внутри тяжелый бронзовый ключ, совсем не похожий на остальные. На бирке была всего одна надпись: центральный пуск.

Никто не произнес ни слова. Такой ключ не оставляют случайно. Его оставляют тому, кто однажды должен закончить начатое.

Глава пятая. Бронзовый ключ

Бронзовый ключ оказался неожиданно тяжелым. Алексей несколько раз перевернул его в руках. Такие ключи не использовали уже очень давно. Дело было не в удобстве: мир разучился доверять человеку. Когда все решения принимает автоматика, человеку не дают возможности ошибиться, а значит, и научиться.

На широкой бородке виднелись крошечные насечки, не декоративные, каждая со своим назначением.

Максим внимательно наблюдал.

— Вы уже знаете, куда его вставлять?

— Пока нет.

— Тогда зачем так внимательно рассматриваете?

— Хороший инженер сначала изучает инструмент. И только потом ищет, где его использовать.

Помещение осмотрели заново, теперь гораздо медленнее. Торопиться было нельзя: любой шкаф, любая труба, любая бирка могли оказаться важнее самого сложного оборудования.

Максим остановился возле стены.

— Алексей. Здесь что-то странное.

На сером бетоне виднелись едва заметные полосы: тяжелый металлический шкаф недавно отодвигали. Инженер присел, провел пальцами по полу. Под толстым слоем пыли оставалась более светлая дорожка.

— Не совсем недавно.

— А когда?

— Несколько месяцев назад.

— Откуда вы знаете?

— Пыль ложится слоями. Чем старше след, тем ровнее поверхность.

Максим не стал переспрашивать. Он уже начинал замечать подобные вещи самостоятельно.

Виктор с Артемом навалились на шкаф, и тот с тяжелым скрипом сдвинулся в сторону. За ним обнаружилась небольшая металлическая дверца высотой не больше метра, без ручки, с одной круглой замочной скважиной.

Алексей посмотрел на бронзовый ключ. Максим тоже.

— Совпадает?

Ключ вошел идеально. Раздался мягкий металлический щелчок, и дверца открылась. За ней скрывалась узкая ниша, а в нише лежали толстый цилиндрический футляр в промасленной ткани, еще один журнал и небольшой металлический ящик. На крышке ящика было выбито: аварийный комплект главного инженера.

Максим присвистнул.

— Он оставил это специально. Иначе не получается.

— Так и есть.

Алексей открыл футляр и осторожно развернул на столе длинный лист прозрачного пластика. Это была схема, но не всего завода, только энергетического сектора, и совсем не такая, как в архиве. Красными линиями на ней отмечались контуры ручного запуска, а рядом стояли короткие заметки. Не включать одновременно. Проверить давление. После запуска выдержать три минуты. Никакой теории, только последовательность действий, словно рядом стоял опытный мастер и спокойно подсказывал ученику.

— Это уже не инструкция, — тихо произнес Максим.

— Нет.

— Тогда что?

— Шпаргалка.

Сара подняла брови.

— Для главного инженера?

— Именно. Самые опытные люди тоже иногда забывают мелочи. И не стесняются себе помогать.

В металлическом ящике аккуратно лежали ручной мультиметр, набор плавких вставок, масленка, две пары изолирующих перчаток, толстый карандаш, моток медной проволоки и небольшой фонарь с ручной динамо-машиной. Максим взял фонарь, покрутил рукоятку, и лампа сразу загорелась.

— Работает.

— Хорошие вещи долго живут.

Алексей закрыл ящик.

— Этот комплект собирал человек, который прекрасно понимал, что когда-нибудь автоматике может прийти конец.

Следующие два часа прошли за работой. Не героической, не эффектной, монотонной: они проверяли каждый кабель, каждый контакт, каждую клемму.

Максим не думал, что можно так устать, ничего при этом не делая. Шкаф стоял слишком низко, и через двадцать минут спина отказывалась разгибаться. Фонарь приходилось держать зубами, потому что обе руки были заняты. Изоляция старых кабелей крошилась под пальцами и забивалась под ногти. Дважды он путал уже проверенную клемму с непроверенной и начинал секцию заново, злясь на себя, и оба раза Алексей молча ждал, пока он закончит.

К концу второго часа Максим поймал себя на том, что перестал считать, сколько осталось. Просто проверял следующую. И тогда впервые понял, почему наставник говорил, что настоящая инженерия редко выглядит красиво: большую часть времени приходится не запускать машины, а искать мелочь, из-за которой они не запускаются.

Артем держался хуже всех. Он трижды спрашивал, нельзя ли пропустить хотя бы отсек с явно целыми кабелями, и трижды получал «нет». В четвертый раз он не спросил, только шумно поставил ящик с инструментом на бетон, и Виктор, не поднимая головы, сказал:

— Тише.

— Я аккуратно.

— Инструмент ни при чем. Ты сейчас злишься на работу, а сорвался на ящике. Это плохая привычка.

Артем хотел ответить, но промолчал.

— Нашел!

Он поднял руку через полчаса. В одном из кабельных каналов обнаружился перегоревший плавкий предохранитель, совсем небольшой. Именно через него проходило питание всей управляющей цепи.

Максим вздохнул.

— Из-за такой ерунды?

— Поздравляю. Ты только что познакомился с главным законом любой сложной системы: ее судьбу почти всегда решает самая маленькая деталь.

Новая плавкая вставка подошла идеально. Оставалось самое сложное. Алексей еще раз сверился со схемой.

— Давление?

— В норме.

— Контуры охлаждения?

— Проверены.

— Кабели?

— Осмотрены.

— Люди?

Сара улыбнулась.

— Пока тоже в норме.

Он глубоко вдохнул и медленно опустил массивный рубильник. Раздался тяжелый удар, где-то далеко заработал контактор, потом еще один, потом третий. По кабелям пробежала волна, под потолком загорелись сразу три лампы, и не на несколько секунд, а постоянно. Тихо загудела вентиляционная установка. На одном из пультов ожил стрелочный прибор.

Максим широко улыбнулся.

— Получилось!

Но Алексей не разделял радости. Он смотрел на амперметр, где стрелка ползла вверх слишком медленно, потом вдруг резко дернулась и замерла на красной отметке.

— Назад!

Максим не успел понять, что происходит. Инженер одним движением вернул рубильник в исходное положение. Свет погас, вентиляция остановилась. Несколько секунд никто не двигался, только тяжелое дыхание нарушало тишину.

— Что случилось? — тихо спросила Сара.

Алексей вытер лоб.

— Мы были в трех секундах от того, чтобы сжечь половину системы управления.

Максим побледнел.

— Но ведь всё проверили.

— Нет.

Инженер посмотрел на амперметр.

— Кто-то очень давно подключил еще один контур. И не отметил его на схеме.

Он поднял взгляд на темный потолок и впервые почувствовал уважение не только к тем инженерам, которые строили завод, но и к неизвестному человеку, изменившему его уже после консервации.

Стрелка амперметра давно вернулась к нулю. Первым молчание нарушил Виктор.

— Хорошо, что успели.

Алексей не ответил. Он не отводил взгляда от щита управления, и Максим уже научился читать это выражение лица: так наставник выглядел не тогда, когда не знал ответа, а тогда, когда собирал в голове десятки мелких фактов в одну картину.

Он снова открыл аварийную схему и разложил ее прямо на бетонном полу. Рядом лег современный план комплекса, потом архивная схема энергетического сектора. Три поколения документов, три разных состояния одного и того же завода.

— Смотрите.

Алексей взял карандаш.

— Вот первоначальный проект.

Он обвел одну линию.

— Вот изменения, внесенные перед консервацией.

Добавил вторую.

— А здесь проходит тот самый неизвестный контур. Его нет ни на одной схеме.

Максим нахмурился.

— Значит, его сделали уже после закрытия?

— Именно.

— И никто об этом не написал.

— Или написал. Но не здесь.

Он аккуратно сложил листы.

— Ищем не провод. Ищем причину.
Сара вопросительно посмотрела на него.

— Какая разница?

— Огромная. Если понять, зачем этот контур появился, станет понятно, куда он ведет.

Поиск занял почти час. Команда медленно продвигалась вдоль кабельных каналов, отмечая каждый метр мелом на стене, чтобы не возвращаться дважды. В какой-то момент Артем устало опустился на металлический ящик.

— Это всё равно что искать одну гайку на складе.

— Мы ищем человека. И он обязательно оставил след.

След нашелся, но совсем не там, где ожидали. Максим остановился возле старого кабельного лотка.

— Здесь крепления новые.

Из десятков ржавых болтов четыре заметно отличались: свежий металл, другая форма головки, другой сплав.

— Их меняли, — сказал Виктор.

Алексей осторожно коснулся одного из них, и на пальцах остался тонкий слой серой смазки, еще не успевшей высохнуть.

— Не больше года назад.

Сара медленно выдохнула.

— Значит, завод не был заброшен.

— Он просто был очень одиноким.

Лоток открывался тяжело. Под крышкой скрывался не только кабель: кто-то аккуратно закрепил там небольшую металлическую коробку без маркировки и без заводских обозначений. Самодельную.

Алексей долго рассматривал ее, прежде чем открыть.

— Самодельная автоматика?

— Скорее обходной узел.

Он снял крышку. Внутри было всего три элемента: реле, предохранитель и плата ручной сборки.

Максим удивленно присвистнул.

— Красиво сделано.

Дорожки были пропаяны с ювелирной аккуратностью. Ни лишних проводов, ни временных решений. Только необходимое.

— Это не кустарщина, — тихо сказал Алексей. — Это работа мастера.

На обратной стороне крышки кто-то написал карандашом: если штатная защита выйдет из строя, этот узел сохранит управление охлаждением. Ниже стояла одна буква. «М».

Максим поднял голову.

— Михаил?

— Возможно. А может, совсем другой человек. Настоящий инженер не присваивает чужую работу без доказательств.

Коробку перенесли на верстак. Работа предстояла тонкая. Алексей достал увеличительное стекло, Максим мягкую кисточку, Сара направила фонарь. Несколько минут никто не разговаривал, слышалось только тихое шуршание кисти. Пыль исчезала слой за слоем, постепенно открывая обозначения элементов.

— Вот оно, — прошептал Алексей.

На одном из реле оказался крошечный скол, почти незаметный, но достаточный, чтобы контакт время от времени зависал.

— Всего лишь это? — удивился Артем.

— Иногда достаточно одной песчинки, чтобы остановить часы.

Он осторожно вынул реле и положил на ладонь.

— Сколько ему лет?

Максим посмотрел на маркировку.

— Пятьдесят три года.

Пятьдесят три года. И оно всё еще пыталось работать.

— Можно заменить? — спросил Максим.

— Нечем.

Алексей снова открыл аварийный комплект и долго перебирал содержимое. В самом углу лежала маленькая полотняная сумка, а в ней десяток одинаковых серебристых пластин. Без подписей, только номер.

— Что это?

— Контактные лепестки. Запасные, для таких реле.

Максим улыбнулся.

— Он предусмотрел даже это.

— Не он. Целая эпоха. Раньше инженеры думали не до следующего квартала, а до следующего поколения.

Ремонт занял почти сорок минут почти ювелирной работы. Никто не торопил, никто не предлагал сократить путь. Когда Алексей наконец собрал реле обратно, он неожиданно протянул его Максиму.

— Устанавливай.

Парень растерялся.

— Я?

— Да.

— А если ошибусь?

— Тогда мы вместе найдем ошибку.

Максим взял реле, и оно оказалось теплым от чужой ладони. Пальцы вдруг перестали слушаться, как на экзамене: пришлось положить деталь на верстак, вытереть руки о штаны и взять заново. Он поймал себя на том, что дышит через раз.

Фиксаторы вошли не сразу. Со второй попытки реле встало на место с тем самым коротким сухим щелчком, который он уже научился отличать от неправильного. Максим проверил посадку, еще раз сверился со схемой и посмотрел на наставника. Тот молча кивнул.

Парень глубоко вдохнул и впервые в жизни сам включил восстановленный контур.

На этот раз никто не спешил радоваться, все смотрели на приборы. Стрелка амперметра плавно поднялась и замерла. Больше не дрожала. Контактор мягко щелкнул, и где-то в глубине завода ровно загудел электродвигатель. Не громко, не торжественно, совсем буднично. Так звучит машина, которая просто делает свою работу.

Электродвигатель работал негромко, ровно, без рывков. Звук нельзя было назвать красивым, обычный промышленный гул, но для Алексея он звучал почти как человеческое дыхание.

— Слышишь?

Максим прислушался.

— Да.

— Что изменилось?

Парень задумался.

— Раньше двигатель будто боролся.

— А сейчас?

— Просто работает.

— Значит, начинаешь слышать.

Дальше не пошли, и не от усталости: любое серьезное производство не любит спешки. Сначала проверили температуру двигателя, потом подшипники, потом уровень вибрации.

Максим уже автоматически доставал приборы, Сара записывала показания в найденный инженерный журнал, Виктор осматривал помещение, Артем носил инструмент. Никто больше не спрашивал, что делать, каждый знал свою работу, и именно тогда Алексей понял, что команда начинает превращаться в смену.

— Максим. Возьми мел.

Парень вопросительно посмотрел на него.

— Зачем?

— Сегодня ты испортишь стену.

Алексей подошел к бетонной колонне, на которой уже темнели старые, почти стертые временем надписи. Проверено. Заменено. Не открывать. Он провел ладонью по бетону.

— Эти записи оставляли инженеры. Не для красоты, а для тех, кто придет после.

Он протянул Максиму кусочек белого мела.

— Пиши.

Максим постоял неподвижно, потом медленно вывел: контур охлаждения восстановлен, работает устойчиво, М. Соколов. Поставил точку и отступил на шаг.

— Странно. Как если бы я оставил записку самому себе.

— Ты оставил ее человеку, которого никогда не встретишь.

Следующий отсек открылся без усилий. За дверью оказалась небольшая механическая мастерская, совсем не похожая на гигантские цеха: несколько токарных станков, фрезерный, сверлильный, верстаки, инструментальные шкафы. Всё аккуратно расставлено.

Максим медленно прошел между станками и провел рукой по одному из них.

— Красивый.

— Знаешь, сколько ему?

Парень посмотрел на заводскую табличку.

— Семьдесят один год.

— И если всё сделать правильно, он прослужит еще столько же.

На одном из верстаков стояла деревянная коробка с десятками металлических деталей. Шестерни, втулки, оси, каждая подписана и завернута в промасленную бумагу. Максим осторожно развернул одну, и на бумаге оказался текст. Не инструкция, просто короткая записка: если устанавливаешь новую втулку, не пожалей масла, жадность дорого обходится подшипникам.

Парень рассмеялся.

— Они даже советы оставляли.

— Потому что однажды сами пожалели масла.

Сара тем временем изучала шкаф с документацией.

— Алексей. Посмотрите.

Внутри лежала толстая папка с надписью: учебная программа молодых механиков.

Максим сразу оживился.

— Здесь учили людей?

— Конечно. А как иначе?

На первой странице вместо схем оказался рисунок: старый мастер стоит возле станка, рядом совсем молодой парень. Под рисунком подпись: никогда не трогай работающий механизм одной рукой, потому что вторую однажды придется подать товарищу.

Виктор тихо усмехнулся.

— Грубовато.

— Зато запоминается.

Дальше шли упражнения. Не теория, практика. Определи неисправность по звуку. Найди перегрев без приборов. Собери редуктор с закрытыми глазами.

Максим не поверил своим глазам.

— Они правда так учили?

— Лучшие инженеры всегда учились руками.

Артем, который до этого молча перебирал ящик с оснасткой, вдруг подошел ближе и заглянул через плечо.

— А сколько это длилось?

Максим посмотрел на титульный лист.

— Три года.

— Три года, чтобы научиться крутить гайки?

— Чтобы научиться понимать, зачем ты их крутишь, — сказал Виктор, не оборачиваясь.

— У меня подготовка шла два года. Из них полтора я вообще не выходил на маршрут.

— И не бесило?

— Каждый день.

Виктор наконец повернулся.

— А потом однажды понадобилось. И оказалось, что я помню всё.

На последней странице лежал небольшой пожелтевший лист. Вверху было написано: каждый ученик должен однажды изготовить свою первую деталь. Ниже шли десятки фамилий, возле каждой стояла дата и подпись наставника. Последняя строка осталась пустой: кто-то собирался вписать еще одно имя и не успел.

Максим перечитал строку дважды.

— Красиво.

— Что именно?

— Они считали первую деталь важнее экзамена.

Алексей посмотрел на него очень внимательно и медленно сложил список.

— Потому что так оно и есть.

Он подошел к токарному станку и снял защитный чехол. Пыль поднялась в воздух, а под ней открылся темно-зеленый корпус почти без следов ржавчины. На массивной станине блестела латунная табличка: модель ТК-12, произведено на «Гефесте-1».

Максим замер.

— Подождите. Этот станок сделан здесь?

— Да.

— Значит, он может делать детали для ремонта самого себя?

Алексей широко улыбнулся.

— Вот теперь ты задаешь вопросы настоящего инженера.

Он осторожно провернул шпиндель. Тот едва заметно сдвинулся. Еще раз, уже чуть легче. На третий раз вал повернулся почти свободно.

— Смазка сохранилась, — прошептал Алексей.

Он обошел станок, проверил направляющие, коробку подач, заднюю бабку. Потом неожиданно снял кепку.

— Что случилось?

— Ничего.

Инженер положил ладонь на станину.

— Просто перед нами машина, которая может изменить судьбу колонии. И она ждала нас больше полувека.

В этот момент где-то в глубине мастерской тихо звякнул металл. Не тревожно: что-то небольшое упало на бетон. Все обернулись. За дальним стеллажом коротко мелькнула тень.

Сара мгновенно подняла фонарь.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Только медленные удаляющиеся шаги. Очень спокойные. Человек не убегал. Он просто уходил.

Глава шестая. Железо

Сара первой оказалась возле стеллажа. Луч фонаря скользнул по полу, по аккуратно расставленным ящикам, по старому шкафу с оснасткой. Пусто. Она осмотрела каждый угол и не нашла ничего.

— Виктор.

— Вижу.

Бывший инструктор медленно присел. На бетонном полу остался едва заметный след, не отпечаток ботинка, скорее смазанный мазок. Кто-то действительно проходил здесь совсем недавно, но делал это осторожно, как человек, прекрасно знающий завод.

— Он не хотел встречаться, — тихо сказал Виктор.

— Или проверял нас.

Спорить никто не стал. Вечером, когда работа закончилась, у каждого нашлась своя версия.

Артем считал, что это выживший из тех, кто уходил в промышленный пояс после катастрофы: одичал, боится людей, потому и держится в тени. Виктор был уверен, что человек не один, потому что смазка на болтах требовала как минимум двоих. Максим осторожно предположил, что тот просто ждет, пока они уйдут.

Сара слушала молча, потом сказала:

— Он ходит по заводу без фонаря.

Все повернулись к ней.

— Мы трижды видели его в полной темноте, и ни разу не было света. Значит, он знает здесь каждый поворот наизусть.

— И что это значит? — спросил Артем.

— Что он живет тут очень давно. И что если бы хотел, мы бы его не увидели ни разу.

После этого спорить перестали.

Вечер окончательно вступил в свои права, и в мастерской потемнело. Аварийные лампы, оживленные несколькими часами раньше, освещали только часть помещения, тени между станками вытянулись, и машины в полумраке понемногу возвращались к жизни.

Максим сидел возле токарного станка. Перед ним лежала разобранная коробка подач.

— Не понимаю. Здесь всё в хорошем состоянии, а шпиндель идет тяжело.

Алексей подошел и молча понаблюдав.

— Как называется эта деталь?

Максим посмотрел на бронзовую втулку и замялся.

— Подшипник?

— Нет.

— Втулка.

— Уже лучше.

— Бронзовая втулка скольжения.

— А зачем она нужна?

Парень задумался.

— Чтобы вал вращался.

— Вал и без нее сможет вращаться.

Максим нахмурился.

— Тогда...

Инженер взял втулку и положил ее на ладонь.

— Она нужна, чтобы изнашиваться вместо дорогого вала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.